

Жильцов С.С.

*доктор политических наук, профессор кафедры
политических наук Российского Университета дружбы народов*

Zhiltsov S.S.

Doctor of Political Sciences, Professor of the Chair of Political Sciences, RUDN

ПОЛИТИКА РОССИИ НА КАСПИИ

POLICY OF RUSSIA ON THE CASPIAN SEA

Резюме: В статье проанализирована эволюция внешней политики России в Каспийском регионе на современном этапе (1991-2014). Рассмотрены изменения в подходах российской внешней политики по ключевым проблемам региона: международно-правовому статусу Каспия, добыче и транспортировке каспийских углеводородных ресурсов, милитаризации и экологии.

Ключевые слова: Каспийский регион, политика России, международно-правовой статус, углеводородные ресурсы, экология, милитаризация.

Abstract. The article considers the evolution of foreign policy of Russia in the Caspian Region at the present stage (1991-2014). It analyzes the changes in the Russian foreign policy approaches to the key problems of the region: international legal status of the Caspian Sea, extraction and transportation of the Caspian hydrocarbon resources, militarization and ecology.

Keywords: Caspian Region, policy of Russia, international legal status, hydrocarbon resources, ecology, militarization.

Современная российская внешняя политика в Каспийском регионе (1) берет свое начало с 8 декабря 1991 года, когда было образовано СНГ [1]. На Каспии, который почти 250 лет был зоной российско-иранских политических и экономических интересов, появилось пять государств. К России и Ирану добавились новые «владельцы» - Азербайджан, Туркменистан и Казахстан (2). Молодые наследники Союза Советских Социалистических Республик объявили свои права на богатства Каспия, в связи с чем обострилась проблема раздела моря [2. С. 80-102].

В правовом отношении Россия опиралась на принцип непрерывности (континуитета) российской государственности, согласно которому Российское государство (Российская империя),

РСФСР, СССР и Российская Федерация – один и тот же участник межгосударственных отношений, один и тот же субъект международного права, который продолжает осуществлять права и выполнять обязательства, вытекающие из его международных договоров. Достаточно уверенная позиция России по данному вопросу в первой половине 1992 года определялась тем, что ее правопреемство в отношении статуса Каспия новые прикаспийские государства подтвердили в Алма-Атинской Декларации от 21 декабря 1991 года, согласно которой государства-участники Содружества гарантируют выполнение международных обязательств, вытекающих из договоров и обязательств бывшего СССР [3].

Россия выступала за то, чтобы установленные Договорами режимы свободы судоходства и рыболовства (в последнем случае – за исключением 10-мильной прибрежной зоны), запрет на плавание судов под флагами некаспийских стран продолжали действовать. Российская сторона отстаивала сохранение принципа «общей воды», который она предлагала взять за основу при выработке нового правового статуса Каспия. Помимо этого, Россией был поставлен вопрос о сохранении биоресурсов Каспия, прежде всего, осетровых видов. Фактически прикаспийским странам предлагались условия, при которых они до заключения нового договора не могли осуществлять никакой деятельности на Каспии без согласования с Россией и Ираном. Позиция России не нашла поддержки в других прикаспийских странах. Более того, новообразованные прикаспийские государства выдвигали требование о закреплении за ними национальных участков Каспия. Практически с этого времени начался переговорный процесс по разграничению моря.

После распада СССР Россия стремилась сохранить геополитический контроль над прикаспийскими государствами. Был взят курс на сохранение доминирующей роли в определении энергетической ситуации в регионе, в частности в добыче и транспортировке углеводородных ресурсов из новых прикаспийских стран. Тем более, что каспийская нефть вновь приобрела исключительно важное значение, став основой экономического развития для стран региона и для мирового рынка [4. С. 298]. Отсутствие у но-

вых прикаспийских государств собственной сети трубопроводов создавало условия для реализации Россией внешнеполитического курса на Каспии. Трубопроводы стали остройшей внешнеполитической проблемой для России и одновременно, одним из главных инструментов в борьбе за сохранение доминирующего положения в регионе [5. С. 52-63].

Одним из первых маршрутов транспортировки казахстанской нефти, которому в России уделяли большое внимание, был проект нефтепровода Тенгиз-Новороссийск. Он должен был вывести углеводородные ресурсы Казахстана на внешний рынок и укрепить политическое влияние России [6. С. 138]. С этой целью в июле 1992 года было подписано Соглашение о создании Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) [7. С. 64-89]. Другим направлением экспорта каспийских ресурсов, которое находилось в зоне повышенного внимания России, был нефтепровод Баку–Новороссийск.

Для России данные нефтепроводы имели ключевое значение, поскольку сохраняли рычаги влияния на прикаспийские страны, одновременно уменьшая вероятность строительства альтернативных трубопроводов. Стратегическая цель России состояла в том, чтобы Азербайджан и Казахстан транспортировали свою нефть через Новороссийский порт.

К активному участию в освоении нефтегазовых ресурсов в странах Каспийского региона стремился российский нефтяной капитал, который зачастую не согласовывал свои действия с государственными органами. Взаимоотношения нефтяных компаний и государства осложнялись отсутствием четко сформулированной концепции государственных интересов России в Каспийском регионе [8. С. 70-76]. В итоге, российская политика не опиралась на продуманную, логически обоснованную, целостную стратегию, подкрепленную механизмами ее реализации, носила фрагментарный характер и являлась результатом несогласованных подходов отдельных ведомств и нефтегазовых компаний к решению проблем Каспийского региона.

На этом фоне происходило усиление внешнеполитической активности прикаспийских государств, которые выйдя из-под

контроля Москвы, сделали упор на реализацию энергетических проектов. Особенно активно в этом направлении действовал Азербайджан, который 20 сентября 1994 года подписал контракт с крупными нефтяными компаниями о разработке нефтяных месторождений на шельфе Каспия (месторождения Азери, Гюнешли, Чираг), получивший название «контракт века». Данное соглашение было негативно воспринято Россией, которая направила в Генеральную Ассамблею ООН документ, в котором предупредила о том, что «односторонние действия в отношении Каспия являются незаконными и не будут признаваться Российской Федерацией, которая оставляет за собой право принять такие меры, которые будут необходимы, и которое оно сочтет подходящим для восстановления нарушенного правопорядка и ликвидации последствий, возникших в результате односторонних действий» (3).

На политику России в регионе большое влияние оказывали события в Чеченской Республике, которая в начале 1990-х годов фактически вышла из-под контроля федеральных властей. Значение этого субъекта РФ, не имеющего прямого выхода к Каспию, определялось стратегическим положением, которое он занимал, являясь важным звеном в транспортировке каспийской нефти, где стыкуются нефтепроводы из Азербайджана и Казахстана.

В конце 1994 года Россия попыталась с помощью силы восстановить конституционный порядок в Чечне. Однако усилия российских властей закончились безрезультатно, а затянувшийся конфликт приостановил прокачку нефти через чеченскую территорию и прервал железнодорожное сообщение с Дагестаном. Чеченская война напрямую была связана с конкуренцией многих стран и компаний не только за обладание каспийской нефтью, но и за маршруты ее экспортного транзита. Так, бывший руководитель Комитета национального спасения Чечни Умар Авторханов говорил: «Не будь у нас проклятой трубы, не будь каспийской нефти, не будь интересов различных дельцов, то войны бы в Чечне не было» [9. С. 159].

Россия стремилась путем переговоров решить проблему правового статуса Каспия, несмотря на то, что в середине 1990-х го-

дов его поиск приобрел двойственный характер. С одной стороны, прикаспийские страны собирались для выработки единой позиции. Так, в мае 1995 года (4) состоялось Совещание заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств. На нем представители внешнеполитических ведомств пытались согласовать интересы стран региона. Чуть позже, руководители правовых департаментов МИД прикаспийских государств по вопросам правового статуса Каспийского моря провели в Тегеране первое совещание (5), на котором договорились о создании постоянно действующего переговорного механизма по выработке статуса.

В 1995 году Россия пошла на изменение своей энергетической политики в Каспийском регионе, приступив к исследованию в северной части Каспия. В ноябре 1995 года в рамках Государственной программы по изучению Каспийского шельфа началась геолого-геофизическая работа на российском шельфе Каспия [10]. Отличительной особенностью являлся тот факт, что к осуществлению геологических и геофизических работ на каспийском шельфе приступила частная компания «Лукойл». Специально для этого проекта была закуплена и модернизирована полупогружная буровая установка «Астра» [11. С. 18].

Другой особенностью российской политики того времени стал пересмотр отношений с каспийскими государствами. Так, Россия отказала Туркменистану в прокачке его газа через свою территорию, хотя до 1994 года Ашхабад имел квоту в 11% в общем объеме экспорта российского газа. Причина этого заключалась в том, что Россия была заинтересована увеличить собственные поставки газа на внешние рынки и обеспечить приток валютных поступлений. В то же время, Россия активизировала переговоры с Азербайджаном. Москва добивалась от Баку согласия на транспортировку азербайджанских углеводородов через свою территорию. Россия была чрезвычайно заинтересована в том, чтобы экспорт азербайджанской нефти осуществлялся через Новороссийск. Усилия России завершились подписанием в январе 1996 года российско-азербайджанского соглашения о транспортировке азербайджанской нефти до Новороссийска. Тем самым Россия получила возможность восстановить за собой решающую с гео-

политической точки зрения роль в транспортировке каспийских углеводородов и оказывать влияние на баланс политических и экономических интересов стран, вовлеченных в реализацию трубопроводных проектов. Однако на пути реализации этих планов стояла Чечня, которая рассчитывала получить максимальные дивиденды от разрешения прокачки нефти через свою территорию. Не случайно, в российском правительстве подчеркивали, что «Россию устроит любой договор с Чечней, лишь бы работал нефтепровод» [12].

Российские устремления шли в разрез с интересами США и западных нефтегазовых компаний, которые выступали против сохранения зависимости прикаспийских стран от России. В результате против российского маршрута экспорта азербайджанских углеводородов была развернута настоящая информационно-политическая война.

Возрастающее влияние западных нефтяных компаний и начало освоения месторождений нефти и газа в прикаспийских странах заставили Россию не только активизировать свою политику на Каспии, но и сделать ее более гибкой. В 1996 году Россия выдвинула новую инициативу о принципах определения правового статуса Каспия, предложив компромиссный вариант (6). Он заключался в том, что Россия готова была признать юрисдикцию каждого прикаспийского государства не только в прибрежных зонах шириной до 45 миль, но и в отношении тех месторождений, которые находятся за согласованными пределами упомянутой зоны, где добыча нефти уже ведется или должна вскоре начаться.

Отражением усиления внимания к проблемам Каспия стало создание в российском МИДе Рабочей группы по Каспийскому морю. На нее была возложена подготовка предложений о позиции РФ по вопросам статуса и режима Каспия, эксплуатации его био- и минеральных ресурсов, а также по проблемам транспортировки каспийской нефти (7). В октябре 1996 года состоялись пятисторонние переговоры прикаспийских государств на уровне министров иностранных дел. Однако разные, зачастую диаметрально противоположные интересы стран региона не позволили достичь конкретных решений. В итоге было принято решение о создании

странами региона Специальной Рабочей группы на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств для выработки Конвенции по правовому статусу Каспийского моря (8).

По мере расширения деятельности западных компаний и ориентации прикаспийских стран в экономическом развитии на разработку углеводородных ресурсов, Россия стала проявлять заинтересованность в переносе переговорного процесса относительно правового статуса Каспийского моря с многостороннего формата на двусторонние договоренности. Одним из первых шагов в этом направлении стало совместное заявление президентов России и Казахстана, сделанное в 1997 году. Речь шла о введении в практику двусторонних отношений принципа консенсуса при разработке месторождений на Каспии.

Новый этап политики России на Каспии начался с российского предложения разграничить между сопредельными и противолежащими государствами участки морского дна с целью недропользования, сохранив в общем пользовании большую часть водной толщи и поверхности. О новой позиции России было объявлено в январе 1998 года в совместном заявлении президентов РФ и Казахстана: «Достижение консенсуса предстоит найти на условиях справедливого раздела дна Каспия при сохранении в общем пользовании водной поверхности, включая обеспечение свободы судоходства, согласованных норм рыболовства и защиты окружающей среды». Тем самым, Россия согласилась с тем, чтобы отдельные участки дна Каспийского моря были поделены между прикаспийскими государствами.

В июле того же года (9) было подписано российско-казахстанское Соглашение «О разграничении дна северной части Каспийского моря с целью соблюдения суверенных прав на недропользование, основанное на принципе «срединной линии» (10). В Соглашении говорилось, что «дно северной части Каспийского моря и его недра при сохранении в общем пользовании водной поверхности, включая обеспечение свободы судоходства, согласованных норм рыболовства и защиты окружающей среды, разграничиваются между Сторонами по срединной линии, модифицированной

на основе принципа справедливости и договоренности сторон». Также в документе было отмечено, что «Стороны осуществляют суверенные права в целях разведки, разработки и управления ресурсами дна и недр Северного Каспия в пределах своих частей дна до разделительной линии» (11).

Изменение позиции России было вызвано различными факторами. Новые подходы России, которые поддержал Казахстан, отражали колоссальные геополитические сдвиги, которые произошли в Каспийском регионе. Стало очевидным, что жесткая приверженность прежним позициям, ориентация только на советско-иранские договоры без поиска новых форм сотрудничества может привести к политической изоляции России, ограничить ее участие в региональных процессах. Один из руководителей Рабочей группы МИД РФ по Каспийскому морю Андрей Урнов отмечал, что «есть один очень важный нюанс. На дне разграничивается не территория, а перспективные структуры и месторождения, т.е. госграница не проводится под водой. В отличие от территориальной такая юрисдикция называется ресурсной. Утверждения, будто бы согласившись на разграничение дна, Россия согласилась на раздел моря на национальные сектора – либо заблуждение, либо злонамеренное искажение истины. Разграничение дна имеется в виду осуществить с помощью модифицированной срединной линии. Ее отличие от классической заключается в том, что классическая линия – это техническая линия, которая разграничивает пространство строго по науке. Модифицированная линия – линия политическая. Она проводится участниками переговоров на основе классической, но с отступлениями от нее в пользу той или иной стороны с тем, чтобы с учетом целого комплекса обстоятельств, включая уже понесенные затраты, справедливо поделить находящиеся под дном ресурсы» [13. С. 11-14].

Избрание в марте 2000 года президентом РФ В.В. Путина ознаменовало собой начало нового этапа в российской внешней политике в Каспийском регионе.

Новая каспийская политика была взята В. Путиным не в готовом виде, а формировалась по мере его продвижения по служеб-

ной лестнице. Заместитель начальника управления международной безопасности Совета Безопасности РФ Александр Стоппе пояснил, с чего началась новая каспийская политика России [14]. «Предложение, чтобы вопрос о Каспии был заслушан на Совете Безопасности, готовил Владимир Путин. Тогда он был нашим шефом – секретарем Совета Безопасности. Документы он вносил на заседание Совбеза, уже став председателем правительства. Проводил заседание Совбеза, будучи исполняющим обязанности президента. А утверждал решение Совбеза – уже избранным президентом».

В апреле 2000 года под председательством российского Президента состоялось заседание Совета Безопасности (СБ) РФ (12), на котором рассматривались проблемы Каспия: от экологических до военных [15], а также обсуждалась политика России в этом регионе. На заседании СБ было подчеркнуто, что Каспий является «традиционной зоной национальных интересов России» и его значение для безопасности российского государства серьезно возросло. Другим подтверждением значения региона для России стало утверждение СБ РФ поста Специального представителя Президента Российской Федерации по вопросам урегулирования статуса Каспийского региона в ранге замминистра иностранных дел РФ. На эту должность с поста министра топлива и энергетики был переведен Виктор Калюжный. С введением данной должности Россия намеревалась усилить работу с прикаспийскими странами, сделать свою политику более активной, целостной и скоординированной.

Позже, значение Каспийского региона нашло свое отражение в ряде основополагающих документов. В Концепции внешней политики РФ, принятой летом 2000 года, обращалось внимание на усиление, наравне с экономическим, дипломатического влияния России на Каспии. «Россия будет добиваться выработки такого статуса Каспийского моря, который позволил бы прибрежным государствам развернуть взаимовыгодное сотрудничество по эксплуатации ресурсов региона на справедливой основе, с учетом законных интересов друг друга...» [16]. Кроме того, для прикаспийских субъектов РФ были разработаны фе-

деральные и отраслевые программы, призванные усилить позиции России в регионе.

Сразу после назначения на пост Спецпредставителя Президента России по Каспию В. Калюжный заявил о новых российских подходах в определении международно-правового статуса Каспийского моря. Россия предлагала поэтапно решать проблемы Каспия, не увязывая их с достижением согласия по определению статуса. В. Калюжный предложил при совместном освоении спорных месторождений использовать принцип 50 на 50, тем самым, показав, что российская политика в отношении правового статуса Каспия стала ориентироваться на принципы экономического прагматизма. В тоже время, А. Урнов отмечал, что «у Каспийского моря есть правовой статус. Он установлен советско-иранскими договорами 1921 и 1940 гг. и пока нового статуса не принято, он продолжает действовать, поскольку все бывшие союзные республики, а ныне суверенные государства признали договоры, заключенные Союзом ССР. Это означает, что Каспийское море по-прежнему находится в общем пользовании всех, только теперь уже пяти, а не двух, как в прошлом, прикаспийских государств; что эти государства имеют равные права на его использование; что для них действует режим свободы судоходства и рыболовства; что плавание по морю судов под флагами некаспийских стран запрещено; что за исключением 10-мильной прибрежной зоны разграничение водного пространства Каспия не допустимо» [17]. Таким образом, Россия по-прежнему придерживалась советско-иранских договоров, одновременно стремясь учитывать позиции других прикаспийских государств. Тогда же А. Урнов объяснил причины изменения российской политики: «... в интересах компромисса, с учетом отсутствия соответствующих норм в советско-иранских договорах и уже начатого каспийскими государствами процесса освоения углеводородов дна моря, Россия выдвинула предложение разграничить между сопредельными и противолежащими государствами участки морского дна в целях недропользования, сохранив в общем пользовании большую часть водной толщи и поверхности» [18].

Таким образом, Россия предлагала поэтапный путь решения каспийских проблем, включая судоходство, экологию, использование биологических ресурсов. При этом поверхность моря и толща воды должны были оставаться в общем пользовании, а разграничение касалось только дна.

Предложения России активизировали переговорный процесс прикаспийских государств. 9 сентября 2000 года была подписана Декларация между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о сотрудничестве на Каспийском море. В ней страны подтвердили свою «готовность совместно способствовать эффективному продвижению пятистороннего переговорного процесса по Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, придания регулярного характера деятельности Специальной Рабочей группы на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств» [19].

Российско-казахстанский вариант решения проблемы правового статуса Каспия показался привлекательным и для других прикаспийских государств. Во время визита Президента РФ В. Путина в Азербайджан в январе 2001 года было подписано Совместное заявление Российской Федерации и Азербайджанской Республики о принципах сотрудничества на Каспийском море. В документе предлагалось «на первом этапе разграничить дно Каспийского моря между сопредельными и противолежащими государствами на секторы/зоны на основе метода срединной линии, проводимой с учетом равноудаленных точек и модифицированной по договоренности сторон, а также с учетом общепризнанных принципов международного права и сложившейся практики на Каспии». Суть соглашения можно было охарактеризовать следующей формулой: «Дно делим – вода общая». Кроме того, «стороны согласились, что за каждым из прибрежных государств в образуемом в результате такого раздела секторе/зоне будут признаваться исключительные права в отношении минеральных ресурсов и другой правомерной хозяйственно-экономической деятельностью на дне» [20]. По сравнению с российско-казахстанской Декларацией новое в этой формулировке – употребление термина «сектор/зона» и добавление

о «другой правомерной хозяйственно-экономической деятельности на дне».

Данное Соглашение показало, что Россия приняла решение урегулировать вопрос статуса прежде всего со своими соседями: Казахстаном и Азербайджаном. При этом, принцип справедливо-го разграничения дна – это максимум, на что была готова пойти Россия. Позже В. Калюжный так прокомментировал данное Соглашение: «на первом этапе по методу модифицированной срединной линии делим дно, точнее ресурсы дна. Вода общая, и никаких границ. Возможны подварианты, но все это решается на втором этапе. Такова позиция России с 1998 года, и она не изменилась» [21].

В российской политике в Каспийском регионе в сторону усиления стала меняться военная составляющая. Россия пошла на усиление морской компоненты федеральной пограничной службы (ФПС) за счет переброски кораблей с Черного моря и строительства новых сторожевых кораблей и катеров. А. Урнов отмечал, что масштабность интересов в регионе требует разностороннего присутствия России в этом регионе, включая военное. Мы должны поддерживать его не ниже определенного уровня» [22].

Основные положения российской внешней политики на Каспии в начале первого десятилетия XXI века нашли свое отражение в Морской доктрине России [23]. В ней в частности говорится, что Каспийский регион обладает уникальными по объемам и качеству минеральными и биологическими ресурсами и на данном региональном направлении должны решаться следующие долгосрочные задачи: «определение выгодных для Российской Федерации международного правового режима Каспийского моря, порядка использования рыбных запасов, месторождений нефти и газа; совместная с прибрежными государствами деятельность по сохранению морской среды».

К концу 2001 года все отчетливее стала проявляться новая тенденция в российской политике на Каспии. Россия стремилась выстроить четкую систему механизмов, направленных на решении ключевых проблем, определяющих геополитическую ситуацию в регионе: правовой статус Каспийского моря; военная со-

ставляющая; борьба с терроризмом и браконьерством; вопросы экологии и транспорта; социально-экономическое развитие прикаспийских субъектов РФ и налаживание двустороннего сотрудничества с прикаспийскими государствами.

Важной составляющей российской политики на Каспии по-прежнему выступали трубопроводы. В 2001 году была введена в эксплуатацию первая очередь нефтепровода КТК. Строительство нефтепровода Тенгиз–Новороссийск стало геополитической победой России на Каспии за право транспортировать казахстанскую нефть. Данный трубопровод усиливал российское влияние в регионе, являясь альтернативой другим направлениям нефтяного экспорта из Каспийского региона. Тогда же было принято решение о начале строительных работ по расширению возможностей прокачки нефти по КТК. К 2015 году мощность трубопровода должна возрасти с 32 млн. т до 67 млн. т нефти в год. Позже Россия подписала с Казахстаном долгосрочное межправительственное соглашение, по которому казахстанской стороне была гарантирована возможность транспортировать нефть по направлению Атырау – Самара в объеме не менее 15 млн. т в год.

Переломным в российской политике на Каспии можно считать 2002 год, когда Россия активизировала каспийское направление и выдвинула ряд инициатив. Так, Россия попыталась объединить усилия прикаспийских стран в энергетической сфере, выступив с инициативой создания Евразийского альянса производителей газа, тем самым пыталась внести элемент стабильности в транспортировку газа на долгосрочной основе [24]. Одновременно Россия инициировала поиск решения проблемы международно-правового статуса Каспия на многосторонней основе. С этой целью 23-24 апреля 2002 года в Ашхабаде состоялся первый саммит глав прикаспийских государств. Несмотря на то, что на нем не было подписано итоговых документов, подготовка к его проведению активизировала переговорный процесс по правовому статусу Каспия. Основным итогом саммита можно считать устное заявление президента России В. Путина о том, что пять лидеров прикаспийских стран готовы встречаться и дальше с целью решения широкого круга проблем.

Итоги российской политики по вопросу правового статуса Каспийского моря за десятилетие подвел В. Калюжный, заявив следующее: «...в течении последнего десятилетия процесс правового урегулирования проблем Каспийского моря серьезно отстал от того, что происходит на Каспии де-факто. Политики и бизнесмены обгоняют юристов. Это повод для беспокойства. Ведь без прочного правового фундамента не может быть надежно обеспечено упорядоченное и цивилизованное сосуществование прибрежных государств, их сотрудничество между собой и с внерегиональными партнерами, рациональная хозяйственная деятельность и природоохрана Каспия. Наша исходная позиция состоит в том, что исключительными правами в отношении Каспийского моря и его ресурсов обладают сегодня пять государств, которые расположены на его берегах. Определение правового статуса Каспийского моря, форм и методов его использования является делом самих государств. Договоренности относительно правового статуса Каспийского моря в целом возможны только на основе общего согласия «пятерки» [25]. И далее: «считали и считаем, что правовой статус у Каспийского моря есть. Он определяется Договором между Российской Социалистической Федеративной Республикой и Персией от 26 февраля 1921 года и Договором о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Ираном от 25 марта 1940 года» [26. С. 5-8].

В конце апреля 2002 года состоялся визит президента России в Астрахань (13), где он провел совещание по проблемам развития Каспийского региона и определил роль субъектов России на Каспии. Учитывая место проведения совещания и то, что Президент изложил основные проблемы, которые касались России в этом регионе, выступление В. Путина можно считать программой действий России на Каспии. Президент РФ определил пять основных проблем, которые должны быть в центре внимания российской политики. Среди них: транспортные проблемы, вопросы развития новых месторождений углеводородного сырья, проблемы экологического контроля, сохранения биоресурсов, а также социальные вопросы. Данные задачи не утратили своей актуальности и спустя десятилетие.

В августе 2002 года Россия, впервые с момента распада СССР, провела большой сбор-поход Каспийской флотилии, который проходил в Северной и Центральной части Каспийского моря. На военных учениях отрабатывались такие вопросы, как: борьба с терроризмом, предотвращение и ликвидация экологических катастроф, решение задач спасения на море, предотвращение проникновения наркотиков на территорию государств региона.

Прогресс в определении международно-правового статуса Каспия на двусторонней основе был достигнут 23 сентября 2002 года, когда президенты России и Азербайджана подписали Соглашение о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря [27. С. 15-16]. В статье 1 документа подчеркивалось, что «дно Каспийского моря и его недра разграничиваются между Сторонами на основе метода срединной линии, проводимой с учетом равноудаленности точек и модифицированной по договоренности Сторон, а также с учетом общепризнанных принципов международного права и сложившейся на Каспии практики». В Статье 2 отмечалось, что «освоение минеральных ресурсов структур, пересекаемых линией разграничения будет осуществляться на основе международной практики, применяемой при освоении трансграничных месторождений уполномоченными организациями, назначенными Правительствами Сторон». По мнению В. Калюжного, «если учесть, что в конце 2001 года Соглашение о разграничении дна было подписано между Азербайджаном и Казахстаном [28], можно сделать вывод: взаимодействие трех стран при освоении минеральных ресурсов дна северного и центрального Каспия обретает прочную международно-правовую основу» (14). Таким образом, к концу 2002 года Россия, Казахстан и Азербайджан пришли к единому мнению относительно принципа раздела Каспийского моря, которое заключалось в том, чтобы разделить только дно, а водную поверхность моря оставить общей. В. Калюжный заявил, что «произошел настоящий прорыв в деле международно-правового урегулирования деятельности по освоению минеральных ресурсов Каспия» (15).

Данное сближение было достигнуто в результате компромиссного подхода трех стран. Азербайджан перестал форсировать раз-

дел Каспия на сектора, хотя и не отказался от этой идеи, а Россия смягчила свой подход, согласившись на разграничение месторождений. По словам В. Калюжного, «двустороннее сотрудничество – важнейший элемент взаимодействия прибрежных стран не только на суше, но и на море. Оно нуждается в соответствующем правовом инструментарии. Отмечу, что новые правовые инструменты вырабатываются для тех видов деятельности на Каспии, которые советско-иранские договора не охватывают» [29. С. 5-8].

Главная причина изменения Россией своей политики по вопросу определения правового статуса Каспия заключалась в понимании невозможности достижения консенсуса в рамках многостороннего сотрудничества. Пятисторонние встречи на протяжении десятилетия практически не давали результатов, в то время как реальная жизнь требовала, чтобы статус Каспия получил юридическое оформление.

Окончательно Россия решила для себя проблему правового статуса Каспия в мае 2003 года (16), подписав трехстороннее Соглашение с Азербайджаном и Казахстаном о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря. Тем самым, освоение минеральных ресурсов дна Северной части Каспийского моря получило международно-правовую основу.

После урегулирования правового статуса Каспия в трехстороннем формате со своими ближайшими соседями, Россия сосредоточила внимание на других проблемах Каспийского региона. Набирающий процесс усиления военно-морской составляющей в прикаспийских государствах, активность США и зарубежных нефтегазовых компаний, вовлечение стран региона в обсуждение новых трубопроводных проектов, а также проблемы экологии требовали от России более пристального внимания к этим вопросам. Тем более, что в своей политике на Каспии Россия исходила из того, что масштабность ее интересов обуславливает необходимость всестороннего присутствия в регионе. Так, итогом российских усилий стало подписание в 2003 году Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря. Тогда же Россия предложила создать межправительственный Каспийский центр с целью разработки многосторонних соглашений по вопросам

рыболовства, природоохраны, судоходства на Каспийском море [30].

С целью налаживания регионального сотрудничества в военной сфере и стремясь не допустить участия в этой области третьих стран, Россия предложила создать объединенную военно-морскую группировку на Каспии. Однако Азербайджан и Казахстан проигнорировали предложения России, предпочтя участвовать в американской программе «Каспийский страж». Тем более, что Вашингтон выделил на модернизацию их флотов 130 млн. долларов.

В целом, стоит отметить, что после 2003 года в российской политике в Каспийском регионе происходили значительные изменения. Основное внимание Россия стала уделять двусторонним договоренностям с прикаспийскими странами, прежде всего, в энергетической сфере. Причины данных изменений заключались в том, что по мере нарастания внимания к вопросам добычи углеводородного сырья на Каспии, выбору маршрутов его транспортировки и усиления милитаризации, вопрос о международно-правовом статусе Каспийского моря в пятистороннем формате потерял для России свою прежнюю актуальность. Хотя Россия не раз подтверждала неизменность российской позиции по данной проблеме. Так, на XX юбилейном заседании Специальной рабочей группы, которое состоялось в начале 2006 года, министр иностранных дел России С.В. Лавров отмечал, что большинство статей и положений Конвенции в предварительном порядке согласовано и назвал оставшиеся проблемы по которым требуется достичь компромисса. Это «разграничение акватории Каспия и дна его южной части, рамки военной деятельности, условия транзита и прокладки транскаспийских трубопроводов. Что касается акватории Каспия, то Россия предлагала установить национальную зону для каждого прикаспийского государства шириной 15 миль. За пределами этой зоны вся акватория моря находилась бы в общем пользовании всех государств (в советско-иранских договорах рыболовная зона не превышала 10 миль). Российская сторона также предлагала «включить в Конвенцию формулу поддержания стабильного баланса воору-

жений сторон, осуществление военного строительства в рамках разумной достаточности» [31].

Данная позиция России нашла свое отражение в «Обзоре внешней политики Российской Федерации», одобренном президентом РФ 27 марта 2007 года. В этом документе отмечалось, что «в основе нашего (России – С.Ж.) подхода по проблеме разграничения акватории Каспийского моря лежит понимание того, что задачи защиты природной среды и сохранения биоресурсов могут быть эффективно решены, если большая часть моря останется в общем пользовании прикаспийских государств. При этом каждое прикаспийское государство должно, разумеется, иметь национальный морской пояс для обеспечения безопасности и осуществления экономической деятельности» [32].

Прошедший в октябре 2007 года второй саммит прикаспийских государств заложил основы для продолжения переговорного процесса в решении международно-правового статуса Каспийского моря. В принятой участниками саммита Декларации было особо подчеркнуто, что переговорный процесс по правовому статусу Каспийского моря ведется в духе взаимоуважения, взаимопонимания и равноправия, общепризнанных норм международного права, в атмосфере цивилизованной дискуссии. Стороны также отметили необходимость активно продолжать эти переговоры [33].

В этот период энергетическая составляющая во внешней политике России проступала все более явственно. Так, в сентябре 2007 года РФ, Туркменистан и Казахстан договорились о строительстве Прикаспийского газопровода. С реализацией данного проекта Россия рассчитывала получить доступ к дополнительным ресурсам газа, что должно было гарантировать бесперебойное обеспечение всех долгосрочных контрактов на Западе в период снижения собственной добычи. Однако достигнутые тремя странами договоренности по объективным причинам не были реализованы, отодвинув на неопределенное время строительство газопровода.

Россия учитывала продолжающийся процесс милитаризации в странах Каспийского региона. Данный вопрос приобрел

настолько острое звучание, что нашел отражение в «Концепции внешней политики России», принятой 12 июля 2008 года. В этом документе было отмечено, что «решение задач обеспечения безопасности государственной границы Российской Федерации достигается за счет создания высокотехнологичных и многофункциональных пограничных комплексов, особенно на ... Каспийском направлении».

В 2009 году Россия предпринимала шаги по дальнейшему расширению энергетического сотрудничества с прикаспийскими странами. В июле было заключено соглашение с Азербайджаном о поставках азербайджанского газа через российскую территорию. Речь шла о закупке с 1 января 2010 года 0,5 млрд. м³ газа с месторождения «Шах-Дениз», что позволило «Газпрому» «защепиться» за каспийский газ [34]. Одновременно Россия стремилась восстановить сотрудничество в газовой сфере с Туркменистаном. Однако туркменскую сторону, которая расширяла энергетическое сотрудничество с Китаем, не заинтересовали предложения России [35].

Большое внимание Россия стала уделять реализации комплексной программы освоения шельфовых месторождений нефти и газа на Каспии. Эта задача внешней политики нашла отражение в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденной 12 мая 2009 года. В документе говорилось, что внимание международной политики на долгосрочную перспективу будет сосредоточено на обладании источниками энергоресурсов, в том числе ... в бассейне Каспийского моря и в Центральной Азии [36]. Содействовать выполнению положений данного документа должны были корабли Каспийской флотилии, перед которой стоит задача обеспечивать защиту российского судоходства, объектов нефтедобывающей промышленности в акватории Каспийского моря, в том числе, и от атак террористов, обеспечивать наблюдение за добычей углеводородов, биоресурсов в спорных районах моря.

Проблеме освоения месторождений Северного Каспия было посвящено совещание в Астрахани, которое состоялось в апреле 2010 года. На нем премьер-министр РФ В. Путин заявил, что «та-

кую задачу нам предстоит решать, чтобы поддержать стабильный уровень добычи углеводородов на долгосрочную перспективу» [37]. В середине того же года Россия начала промышленную добычу нефти на месторождении им. Ю. Корчагина, расположенном в российском секторе северной части Каспийского моря [38. С. 383]. Одновременно Россия выступала за расширение энергетического сотрудничества со странами региона, пытаясь сохранить влияние на энергетическую политику прикаспийских государств [39].

Россия продолжала поддерживать процесс в решении международно-правового статуса Каспийского моря, рассматривая Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря в качестве базового документа, регулирующего деятельность прикаспийских государств на Каспии. В ноябре 2010 года (17) состоялся третий саммит прикаспийских государств. На нем страны подтвердили намерение завершить работу над Конвенцией. Главы прикаспийских государств приняли решение поручить соответствующим ведомствам в трехмесячный срок обсудить и согласовать ширину национальной зоны, исходя из 24-25 морских миль, включающих водное пространство, на которое распространяется суверенитет прибрежного государства. Также в ходе саммита было подписано «Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспии», которое для России имело принципиальное значение. В этом документе был зафиксирован ключевой для России принцип, согласно которому обеспечение безопасности на Каспии является исключительно делом прибрежных стран [40]. Также президент РФ напомнил о российском предложении учредить Организацию каспийского экономического сотрудничества (ОКЭС), которая была задумана как катализатор интеграционных процессов в регионе.

В конце первого десятилетия XXI века основные усилия России были сосредоточены на противодействии реализации проектов по прокладке трубопроводов по дну Каспия и освоению собственной ресурсной базы на Каспии. Так, «Лукойл» продолжал активную деятельность по разработке каспийского шельфа. Перспективные планы компании предполагали ввод в эксплуатацию

месторождения им. В. Филановского, извлекаемые запасы которого превышают 200 млн. т нефти и конденсата [41. С.18]. Начать эксплуатационное бурение здесь планируется в конце 2014 года, а добычу – с 2015 года [42]. Освоение всех доступных России каспийских недр требует инвестиций в 30 млрд. долл. [43]. После 2016 года «Лукойл» планирует начать разработку на Каспии не менее четырех новых месторождений [44]. Всего же на Северном и Центральном Каспии открыто 8 крупных месторождений и выявлено 16 перспективных структур с суммарными извлекаемыми запасами более 1 млрд. т условного топлива. А это уже стратегический для страны регион, требующий развития транспорта, модернизации судостроения, строительства портов, а также заключения всеми прикаспийскими государствами Конвенции о правовом статусе моря [45. С. 19]. К 2020 году «Лукойл» планирует обеспечить в регионе ежегодный уровень добычи в 17-18 млрд. м³ газа за счет разработки Хвалынского месторождения и Центрального месторождения [46. С. 188].

В последние годы в связи с обострением ситуации вокруг Ирана, возросшей активностью западных стран, милитаризацией, Россия уделяет повышенное внимание военной составляющей своей политики на Каспии. Например, в 2012 году Каспийская флотилия РФ пополнилась ракетным крейсером «Дагестан» и артиллерийским кораблем «Волгодонск». В планах России к 2020 году пополнить Каспийскую флотилию новыми кораблями.

На рубеже первого и второго десятилетий при выработке политики в Каспийском регионе Россия учитывает ход реализации проектов по добыче нефти и газа в прикаспийских странах. Трудности с добычей углеводородных ресурсов и значительное отставание от запланированных сроков вызваны объективными причинами (экономическими, финансовыми, экологическими) и не могут быть решены в ближайшие годы (18), что позволяет России выстраивать свою энергетическую политику в регионе на длительный период и адекватно реагировать на навязываемую извне каспийскую углеводородную гонку.

В последние годы Россия продвигает свои стратегические интересы в регионе через систему двусторонних отношений с

прикаспийскими государствами, сосредоточив внимание на разрешении вопросов, связанных с освоением и транспортировкой углеводородных ресурсов. Подобная стратегия действий позволяет России сохранять свои позиции, оставаясь ключевым региональным государством.

Одновременно Россия уделяет повышенное внимание решению проблем региона на многосторонней основе. 29-30 сентября 2014 года в Астрахани прошел **IV саммит глав прикаспийских государств**. Президент России В.В. Путин, отметил, что «считаем этот саммит самым прорывным. Мы договорились о принципах взаимодействия на Каспии» [47]. Кроме того, по словам российского президента, удалось выйти на четкие формулировки по разграничению водных пространств, дна, недр, по режиму судоходства и рыболовства [48]. В подписанном меморандуме были согласованы вопросы делимитации акватории. Каждое государство получит 15 морских миль прибрежного пространства на принципах национального суверенитета и еще 10 миль для рыболовства. Остальная часть водного пространства будет в общем пользовании. Также стороны подтвердили договоренности о пребывании в каспийском море вооруженных сил лишь прибрежных государств. Также было принято решение активизировать сотрудничество на основе Соглашения о безопасности на Каспийском море, усилить взаимодействие пограничных служб.

Президенты прикаспийских стран договорились выйти на итоговую конвенцию по международно-правовому статусу Каспийского моря в течении ближайших двух лет. По прежнему, причиной разногласий выступают принцип раздела шельфа и, в первую очередь, из-за наличия там месторождений нефти и газа.

Страны региона поддержали расширение регионального взаимодействия. Помимо решения о проведении саммитов, были высказаны инициативы о создании Каспийской зоны свободной торговли и постоянно действующего Каспийского экономического форума.

Сегодня можно подвести итоги современной российской политики в Каспийском регионе. Она прошла путь от фрагментарных шагов до создания полноценной обоснованной политики.

Современная политика России направлена на активное участие в решении региональных проблем, к которым относятся вопросы определения международно-правового статуса Каспия, проблемы экологии и сохранения биоресурсов, нарастающая милитаризация. Эта задача нашла свое отражение в концепции внешней политики Российской Федерации 2013 года. В ней говорится, что подходы России к всестороннему взаимодействию с партнерами в Каспийском регионе будут выстраиваться с учетом ... укрепления механизма сотрудничества пяти Прикаспийских государств на основе коллективно принимаемых ими решений [49].

Примечания:

(1) Обзорная статья, посвященная анализу политике России в Каспийском регионе («Политика России в Каспийском регионе: итоги последнего десятилетия»), была опубликована автором в журнале «Вестник Каспия». 2003. №4, июль-август. С. 18-53.

(2) Подробнее понятие «Каспийский регион» рассматривается в книге: Зонн И.С., Жильцов С.С. «Новый Каспий. География, экономика, политика. – М., Восток-Запад, 2008. – 544 с.

(3) Документ «Позиция Российской Федерации в отношении правового режима Каспийского моря» был направлен в ООН 6 октября 1994 года.

(4) 15-16 мая 1995 года, Алма-Ата, Казахстан.

(5) Состоялось 28-29 июня 1995 года.

(6) Данное предложение было выдвинуто Е. Примаковым.

(7) Рабочая группа по Каспийскому морю создана в июне 1996 года.

(8) Специальная Рабочая группа (СРГ) по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств была создана на встрече министров иностранных дел прикаспийских государств (11-13.11.1996) в Ашхабаде (Туркменистан).

(9) Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан было подписано 6 июля 1998 года в Москве.

(10) Срединной линией, применяемой для делимитации водных пространств между государствами с противоположными и сопредельными побережьями, является линия, каждая точка которой является равноотстоящей от соответствующих ближайших точек на побережьях этих государств. Модификация срединной линии осуществляется на основе принципа справедливости и по договоренности сторон. Модифицированная срединная линия включает в себя все участки, которые не являются равноотстоящими от побережий сторон, и определяются с учетом островов, геологических структур, а также с учетом других особых обстоя-

ятельств и понесенных геологических затрат. (О правовом статусе Каспийского моря. Информация рабочей группы МИД России, февраль 2001 г. «Вестник Каспия» №3, 2001. С.2-4.).

(11) Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан «О разграничении дна Северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование /Дипломатические документы по международно-правовому статусу Каспийского моря (1998-2003). Эдель-М. 2003. С. 4-5.

(12) Заседание состоялось 21 апреля 2000 года.

(13) Путин В.В. посетил Астрахань с 24 по 27 апреля 2002 года.

(14) Из выступления В. Калюжного (Иран, 3 декабря 2002 года).

(15) Выступление В. Калюжного на конференции «Нефть и газ Каспийского и Черного морей»/ Стамбул, Турция, 2003 года 27 мая.

(16) Соглашение подписано 14 мая 2003 года в Алма-Ате.

(17) Третий саммит прикаспийских государств состоялся 18 ноября 2010 года

(18) В качестве примера следует привести разработку газоконденсатного месторождения «Шах-Дениз» и нефтяных месторождений на блоке Азери-Чираг-Гюнешли в Азербайджане, а также разработку нефтяного месторождения Кашаган в Казахстане. Вторая стадия разработки указанных месторождений в Азербайджане и Казахстане по оптимистичным оценкам ожидается в 2018-2020 годах. Впрочем, скорее всего, эти сроки будут перенесены. Так, в последние годы на многих азербайджанских месторождениях не обнаружены объемы сырья, пригодные для их промышленного освоения. Кроме того, вторая стадия разработки «Шах-Дениз» отличается более сложными условиями, что не дает оснований ожидать выхода месторождения на проектную мощность. Соответственно, следует констатировать, что в ближайшие 10-15 лет азербайджанский газ не станет оказывать серьезного влияния на газовый рынок Европы и, следовательно, заявления об острой конкуренции между Россией и Азербайджаном в области поставок углеводородного сырья не имеют под собой оснований. Не меньше вопросов возникает при разработке нефтяных месторождений в Казахстане.

Литература:

[1] Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года. // Российская газета. – 1991. – 8 декабря.

[2] Зонн И.С., Глянц М.Х. Каспийский маятник (Взгляд в прошлое, чтобы понять будущее) /Вестник Каспия 2002. №4.

[3] Зонн И.С. Каспий: иллюзии и реальность. М. Коркис. 1999. – 467 с.

[4] Старченков Г.И. Нефть Каспия и пути ее транспортировки /Мусульманские страны у границ СНГ. – М.: Институт Востоковедения РАН, Крафт+, 2001.

[5] Жильцов С.С., Зонн И.С. Каспийская трубопроводная геополитика: состояние и реализация. М.: Восток-Запад. 2011.

[6] Федоров Ю.Е. Каспийская

нефть и международная безопасность. М. 1996.

[7] Жильцов С.С., Зонн И.С. Указ. Соч.

[8] Чумалов М.Ю. Каспийская нефть и межнациональные отношения. М. 2000.

[9] Зонн С.В., Зонн И.С. Природа и общество Чеченской Республики. М. 2001.

[10] Нефть России. 2010. №3.

[11] Экономика и ТЭК сегодня. 2009. №11.

[12] Коммерсант-Daily. 1997. 12 июля.

[13] Вестник Каспия, №3, 2000.

[14] Известия. 2002. 14 июня.

[15] Российская газета 2000. 25 июля.

[16] Концепция внешней политики Российской Федерации /Независимая газета. 2000. 11 июля.

[17] Доклад Руководителя Рабочей группы МИД РФ по Каспийскому морю Андрея Урнова «О международно-правовом статусе Каспийского моря» был представлен на Международный симпозиум «Влияние сейсмической опасности на трубопроводные системы в Закавказском и Каспийском регионах», Москва, 30-31 мая 2000 г. Вестник Каспия, №3, 2000. С. 11-14.

[18] Там же.

[19] Декларация между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о сотрудничестве на Каспийском море /Вестник Каспия №6, 2000, С. 3-5.

[20] Совместное заявление Российской Федерации и Азербайджанской Республики о принципах сотрудничества на Каспийском море / Дипломати-

ческие документы по международно-правовому статусу Каспийского моря (1998-2003). М. Эдель-М. 2003.

[21] Независимая газета, 2001. 2 октября.

[22] Выступление Руководителя Рабочей группы МИД РФ по Каспийскому морю Урнова А.Ю. (Лондон, 22-23 марта 2001 года).

[23] Постановление Правительства Российской Федерации от 31 июля 2001 г., №566.

[24] Известия, 2002. 22 января.

[25] Выступление В. Калюжного, заместителя министра иностранных дел России, специального представителя Президента РФ по вопросам урегулирования статуса Каспийского моря на международной конференции «Каспий: правовые проблемы». Москва, 26-27 февраля 2002 года.

[26] Вестник Каспия, №2, 2002.

[27] Соглашение между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря. /Дипломатические документы по международно-правовому статусу Каспийского моря (1998-2003). М. Эдель-М. 2003.

[28] Соглашение между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой о разграничении дна Каспийского моря между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой было подписано 18 ноября 2001 года в Москве. Оно предусматривает, что «дно Каспийского моря и его недра разграничиваются между сторонами по срединной линии, которая строится на основе равного удаления от исходных

- базовых точек на береговой линии и островах».
- [29] Вестник Каспия, 2002. №2.
- [30] МИД.Ру 2003. 22 июля.
- [31] Стенограмма вступительного слова министра иностранных дел России С.В. Лаврова на XX заседании Специальной рабочей группы по определению правового статуса Каспийского моря, Москва, 14 марта 2006 года. // Вестник Каспия. – 2006. - №2.
- [32] Обзор внешней политики Российской Федерации – 431-27-03-2007.
- [33] Вестник Каспия. – 2007. - №5.
- [34] Зеркало недели (Украина). 2009. 4-10 июля.
- [35] Зеркало недели (Украина). 2011. 17 сентября.
- [36] Российская газета. 2009. 19 мая.
- [37] Российская газета. 2010. 29 апреля.
- [38] Алекперов В.Ю. Нефть России: прошлое, настоящее и будущее. М. Креативная экономика. 2011. С. 383.
- [39] Независимая газета. 2010. 15 октября.
- [40] Коммерсант. 2010. 9 ноября.
- [41] Алекперов В. Покорение трех морей /Экономика и ТЭК сегодня. 2009. №11.
- [42] <http://energo-news.ru> 2012. 4 октября.
- [43] Время новостей. 2010. 15 сентября.
- [44] Известия. 2012. 4 октября.
- [45] Экономика и ТЭК сегодня. 2009. №11.
- [46] Вестник МГИМО Университета. 2011. №6.
- [47] Прорыв на перспективу / Эксперт 2014. №41. 6-12 октября. С. 6.
- [48] Латухина К. Море мира /Российская газета 2014 30 сентября. С. 2.
- [49] Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.